

«Да здравствует Горький!»
Почести, воздаваемые *Буревестнику* в 1905 году (Львов, Краков,
Варшава)

“Long live Gorky!”
Tributes to “Stormy Petrel” in 1905 (Lviv, Cracow, Warsaw)

Резюме: Высший подъем революции в Российской империи в 1905 году породил необычное для Польши явление: солидарность с русским революционным движением и одним из его героев – Максимом Горьким. Как известно, в январе 1905 года Горький обратился с воззванием *Всем русским гражданам и общественному мнению европейских государств*, в котором призывал «к немедленной, упорной и дружной борьбе с самодержавием». Царская власть арестовала и заключила Горького в Петропавловскую крепость, что вызвало протесты во многих странах. Также на польских землях с февраля 1905 года публичные демонстрации собирали тысячи людей на митинги, уличные шествия и в театрах. Они имели место, что вполне объяснимо, в городах Галиции: Львове и Кракове, несмотря на препятствия со стороны австро-венгерской полиции. Эти марши под лозунгом «Долой царя!» закончились в обоих городах у памятника Адаму Мицкевичу, где исполнялись *Красное знамя* и другие социалистические песни. 14 февраля 1905 года прошла демонстрация в честь Горького в Краковском городском театре. Во время исполнения *На дне* публика протестовала против заключения в тюрьму Горького и «всех боевиков, заключенных царскими министрами за свободу в России и Польше». Автор обращает внимание на уважение Горького варшавскими артистами во время спектаклей *Мещане* в исполнении русской труппы З.Я. Черновской и М.Ю. Чернова. Именно тогда впервые польские актеры нарушили неписанный патриотический бойкот и пошли на спектакли русских актеров. Все они слились в совместном протесте в честь великого русского писателя. В антракте спектакля польские артисты принесли на сцену венки с красно-белыми лентами и сообщили, что «на свободной польской сцене смогут в будущем играть на своем языке произведения одного из наиболее благороднейших сыновей России». Этот необычный спектакль и другие жесты польско-русской дружбы вошли в историю польского театра.

Ключевые слова: польский театр, Горький, революция 1905 года, Львов, Краков, Варшава

Summary: phenomenon in Poland: solidarity with the Russian revolutionary movement and Maxim Gorky as one of its heroes. In January 1905, Gorky produced an appeal “to all Russian citizens and European public opinion”, in which he called for “the overthrow of the tsarist tyranny”. He was arrested and imprisoned in the Peter and Paul Fortress, which sparked protests in many countries. Also in Polish lands, as early as in February 1905, public demonstrations gathered thousands of people in meetings, street processions and theaters. They took place – understandably – in the Galician cities of Lviv and Cracow, though not without brutal interventions of the Austrian police. These marches,

under the slogan “Down with the tsar!”, would end in both cities at the monument of Adam Mickiewicz, where the “Red Banner” and other socialist songs were sung. At a demonstration on February 14, 1905, in honor of Gorky at the Krakow Municipal Theater during the performance of *The Lower Depths*, the audience protested against the imprisonment of Gorky and “all those ministers for freedom imprisoned by the tsarist regime in Russia and Poland”. Homage to Gorky was paid by Warsaw artists during performances of *The Philistines* performed by a Russian troupe under the direction of Z.J. Czernowska and M.J. Chernov. Here, for the first time, Polish actors broke the unwritten patriotic boycott and went to performances by Russian actors, merging with them and with the many Polish spectators – also gathered for the first time! – to honor the great Russian writer. During an intermission, Polish actors brought onto the stage a wreath with red and white ribbons and read a message to Gorky. They assured him that “in the future, on the free Polish stage, they would be able to play the works of one of the noblest sons of Russia”. This unusual performance and other similar tokens of Polish-Russian friendship went down in the history of Polish theater.

Key words: Polish theater, Gorky, 1905 Russian Revolution, Lviv, Cracow, Warsaw

Максим Горький принимал активное участие в революции 1905 года с самого ее начала. Он шагал в 120-тысячном шествии петербургских рабочих, которых 9/22 января вел поп Георгий Гапон. Они несли петицию, в которой обращались к Николаю II, чтобы тот гарантировал им «правду и защиту» от непосильного труда и «невыносимых мук». Манифестантов – как мы знаем – перед Зимним дворцом ждали вооруженные роты, которыми командовал, с ведома царя, Великий князь Владимир. В это «кровавое воскресенье» Горький, к счастью, не пострадал от пули. Вернувшись домой, он написал воззвание *Всем русским гражданам и общественному мнению европейских государств*, в котором призывал свергнуть царское самодержавие. Воззвание попало в руки полиции, Горький был арестован и посажен в Петропавловскую крепость. Его освобождения требовали выдающиеся представители искусства и науки многих стран. На митинге в Париже Анатолий Франс заявил: «Такой талант, как Горький, принадлежит всему миру» (Франс цит. по: Горький 1945: 9).

Также в Польше люди были солидарны с Горьким. С Горьким, о котором Вацлав Налковский в известном труде *Пролетариат и художники* написал в 1905 году, что Горький относится к „таким борцам в творчестве [...], которое выдает сегодня борцов в жизни – слой пролетариата, слой трудового народа”. Задачей народа является то, чтобы

все это буржуазное здание, все это место зла, притиснения и грабежа, взорвать и поле под ним вспахать! [...] Такой тип рабочего-художника – убеждал Налковский – проявился в некоторой степени уже даже сегодня в Горьком (Nałkowski 1951: 397–398).

Львов

Солидарность с революционным движением в Российской империи жители Львова, а точнее «польский, украинский и еврейский пролетариат» проявил первый

раз 31 января 1905. В этот день уличная демонстрация закончилась «разбиванием окон в редакции „Słowa Polskiego”», т.е. журнала, одобряющего методы, применяемые царской жандармерией 28 января 1905 года во время «варшавских случаев», поддерживающих петербургский бунт. Следующий митинг созвала во Львове «социалистическая фракция польской, русской и еврейской студенческой молодежи». Митинг прошел 3 февраля 1905 г. в Народном театре, в котором собралось свыше 800 человек (ок. 650 «прогрессивной молодежи», остальные рабочие). Была принята резолюция, прочитанная на трех языках: польском, русском и еврейском. В ней была выражена «симпатия для революционного движения» и «готовность поддерживать его изо всех сил»:

Тем, которые уже начали борьбу – заявляли участники – мы шлем выражение высочайшего преклонения и братские приветы, а в русских революционерах видим молодую Россию, способную помочь избавиться от ярма Польше, Литве, Украине и другим народам (Demonstracja 1905, Kronika 1905).

Было одобрено также предложение, чтобы выразить симпатию Максиму Горькому. Затем – с надписями: «Долой царизм!», «Да здравствует свободная польская республика», и по-русски «Пусть живет свободная украинская республика» – участники митинга, к которым присоединились многочисленные жители Львова, развеяв красное знамя, направились к зданию Большого театра. Оттуда они прошли по улице Гетманская к памятнику Мицкевичу. Тут выступал «один рабочий на тему солидарности молодежи с рабочими». Пели *Красное знамя* и «другие социалистические и патриотические песни». Часть манифестантов пробовала «пробраться к квартире русского консула, но полиция их не пустила, арестовали одного академика и одного гимназиста за сопротивление властям, но после того, как у них отобрали удостоверения, их отпустили на свободу» (Demonstracja 1905, Kronika 1905, Buszko 1953: 477).

В это время в Городском театре во Львове большим успехом пользовались *Мещане* (премьера 30 января 1903 г., в 1903–1906 гг. сыграны 24 раза), а также *На дне* (премьера 13 июня 1903 г., 7 раз), ни одна из этих пьес не вызвала политической манифестации в честь Горького. Такую манифестацию львовские рабочие устроили директору Тадеушу Павликовскому, который в день всеобщей забастовки, 25 ноября 1905 г., дал специальное представление *Свадьбы* Выспяньского. Похожий энтузиазм вызвали *Ткачи* Герхарта Гауптмана (премьера 21 ноября 1904 г.), которых показали 11 раз. Немалым успехом (11 раз) пользовались *Взяточники*, или *Доходное место* Александра Островского. Именно этой российской драмой 29 июня 1906 г. Павликовский закончил свою шестилетнюю карьеру на посту директора во Львове. Поблагодарила его за это социалистический деятель Нахер: «С нашей стороны полагается самая особенная благодарность, так как директор Павликовский, открывая настужь эту святыню искусства, не только облегчил нам вход, но также услуживает искренне культуре посредством введения произведений, которые наиболее убеждают сердце и душу рабочих. И потому рабочий класс приносит искреннюю благодарность,

прося его, чтобы он принял ее так сердечно, как мы ее сердечно приносим». «Gazeta Narodowa», согласно своему консервативному направлению, язвительно прокомментировала участие в этом торжестве «комендантов львовской социалистической партии», которые Павликовскому «вероятно, из благодарности за *Ткачей* и за 28 XI 1905 г., устроили манифестационную овацию с политическими речами и всем социалистическим там–там» (Pajączkowski 1961: 99, 100, 119–120, 347, 391).

Краков

Уличные собрания и демонстрации в Кракове проходили в то же время, что и во Львове. Итак, «по тем же причинам» 4 февраля 1905 г., т.е. спустя день после заседания львовского Городского совета, состоялось заседание Краковского совета, которое созвал социалистический депутат Игнацы Дашиньский, который «так же ложно», как Юзеф Гудец во Львове, представил «варшавские случаи и так же старался придать им цвета национальной революции; говорил, что в Варшаве народ борется за самые священные народные и общественные права». В то же время – на что снова указала Дашиньскому «Национальная газета» – «самым циничным образом сфальсифицировал вопрос львовской резолюции госп. Гудеца и утверждал, что совет принял ее с аплодисментами, хотя эту резолюцию приняла только галерка и несколько депутатов». Дашиньский также выдвинул в Кракове предложение «о выражении возмущения по причине резни беззащитного (варшавского) народа, а восхищения и сочувствия для борющихся за права народа и нации». Несмотря на аплодисменты присутствующий в зале президент Кракова доктор Юлиуш Лео заявил, что это предложение «превышает полномочия совета, из-за этого его нельзя поставить на голосование и разрешить какую-либо дискуссию о нем». Несмотря на это дискуссия началась. Кто-то крикнул: «На погибель царизма!», но следующие крики касались уже Кракова: «Станчики – это сброд, а демократы стоят столько же, сколько станчики». Резолюция Дашиньского – несмотря на запрет полиции – была принята на следующий день, на собрании социалистов, которые вели дебаты над «заданиями польского рабочего движения в настоящее время». Тщетно один из национал-демократов предупреждал о «преждевременном начале революции, так как весь народ еще не готов». Выйдя из зала заседаний, участники собрания двинулись – распевая *Красное знамя* – в сторону рыночной площади. Их остановил полицейский кордон, но был прерван манифестантами, которые дошли до памятника Мицкевичу. Когда на балконе Суконных рядов повесили красное знамя, а один из участников пробовал сжечь портрет «кровожадного царя Николая», полиция разогнала демонстрантов саблями, рана многих людей (*Z Krakowa* 1905).

Среди этих бурных событий в Кракове не забыли о Горьком. 14 февраля 1905 г. «Czas» опубликовал письмо Екатерины Пешковой, которой удалось попасть к мужу, посаженному в Петропавловскую крепость. Он был одет – было написано – в «одежду каторжника», поэтому дрожал от холода. Просил принести теплую одежду, канцелярские принадлежности и книги. Пешкова возмутилась, что к нему относятся, «как к осужденному», хотя не была доказана никакая вина. А ведь речь идет о человеке, который «является гордостью России, и имя которого тогда будет еще

почитаться, когда даже человечество знать не будет – жена Горького обращалась к его угнетателям – что вы когда-то существовали» (Kronika. List 1905)¹. В тот же день (14 февраля) во время представления *На дне* в Кракове прошла демонстрация в честь Горького. В день представления Городской театр прислал прессе следующее сообщение:

Так как имя Горького в настоящее время обращает на себя внимание всего мира, дирекция сегодня напоминает зрителям его превосходную пьесу *На дне*, по которой вчера [13 II 1905] пополудни прошла полная репетиция с декорациями (Kronika. Z teatru 1905).

Пьесы Горького – как их автор – были хорошо известны краковским зрителям. *Мещане* имели свою польскую пражскую премьеру (в переводе Адама Гжималы-Седлецкого и Владзимежа Пежиньского) 22 ноября 1902 г., т.е. через восемь месяцев после пражской премьеры в Московском художественном театре. Драма *На дне* (в переводе Александра Зельверовича) была поставлена 30 мая 1903 г., т.е. через две недели после польской пражской премьеры в Познани (16 мая 1903 г.) и через полгода после пражской премьеры МХАТ (18 декабря 1902 г.). Обе пьесы пользовались успехом, а Юзеф Котарбиньский, директор Городского театра в Кракове, получил звание „покровителя Горького”, и так объяснял в 1929 году интерес к этому русскому драматургу:

Необычный отклик в критике и зрителях нашел мощный, реалистический талант Максима Горького, не только как выразителя новых демократических радикальных русских течений, но и как художника, полного сочувствия к страданиям неимущих и обделенных (Kotarbiński 1929: 184–185).

Инициаторами манифестации в честь Горького были краковские социалисты. Вот как вспоминал это время доктор Эмиль Бобровский:

Революция в царизме вызывала у нас живой отклик. Партия пользовалась любой возможностью, чтобы манифестировать против царизма, особенно, что настроение большинства общества было в Кракове антирусское, национал-демократов у нас всегда было ничтожно мало, поэтому наши выступления имели более широкое значение. После того, как царское правительство заключило Максима Горького в тюрьму, Краковский театр поставил 14 февраля 1905 года пьесу Горького *На дне*. Мы решили воспользоваться этим случаем, чтобы устроить демонстрацию в театре, переполненном зрителями. Мы распечатали тысячи красных листовок, выражающих протест против заключения Горького в тюрьму, заняли несколько десятков мест на галерке и после первого акта бросили среди криков против царизма листовки, которые ярким дождем падали на сидящую внизу публику. Когда зрители прочитали

¹ Письмо Пешковой напечатали также французские и английские газеты.

текст листовок, все встали с мест и бурными аплодисментами выразили свою солидарность с нашим протестом (Bobrowski 1935: 464).

На следующий день содержание этих красных листовок привел социалистический «Naprzód»:

Протестуем против заключения в тюрьму Максима Горького! Вместе с общественным мнением всего цивилизованного мира требуем освобождения Горького и всех заключенных царскими палачами борцов за свободу в России и Польше. Долой царизм! Да здравствует свобода! Да здравствует революция! Краков, 14 февраля 1905 г. Польская социал-демократическая партия (Demonstracja w teatrze 1905).

Эти призывы привел также «Czas» в короткой заметке, которую закончил наблюдением: «Демонстрацию публика приняла совершенно равнодушно» (Kronika. Demonstracja 1905).

Действительно, эта демонстрация – как свидетельствовал Бобровский – проходила спокойно:

Несмотря на то, что находящиеся в театре в необычайно большом количестве комиссары, агенты и полицейские солдаты проявляли чрезвычайное беспокойство и нервное расстройство – однако никаких эксцессов с их стороны не наблюдалось. Во втором акте зрители демонстративно аплодировали словам драмы о сотрудничестве полиции с ворами.

Д-р Бобровский был, однако, задержан одним из комиссаров и направлен в повятовый суд по уголовным делам, который вынес постановление о наложении денежного штрафа на сумму 10 корон, хотя осужденный «действовал с благородными патриотическими побуждениями, это не освобождает его от уголовной ответственности на основании положения §23 ч.прес.» (Bobrowski 1935: 465).

О том, что полиция действовала по обеим сторонам границы, убеждали сообщения, приходящие из Петербурга:

Театр [Веры Ф.] Комиссаржевской – передал «Czas» 15 февраля 1905 г. – подал жалобу по гражданскому делу о возмещении ущерба против полиции из-за того, что она сняла с репертуара пьесу Горького *Жильцы виллы [Дачники]*, премьера которой должна была пройти в ближайшие дни. Жалоба указывает на то, что вследствие запрета полиции весь репертуар испорчен, из-за чего театр имеет значительный ущерб в доходах.

Речь шла, конечно, о *Дачниках*, прапремьера которых в этом театре прошла 10 ноября 1904 г., а возобновление которых вызвало возражения царских властей. Польская прапремьера этой пьесы, в переводе Конрада Раковского, прошла 7 апреля 1905 г. в Кракове. В свою очередь написанные Горьким в Петропавловской крепости

Дети солнца, в переводе Ханны Радлинской-Богушевой, первый раз были представлены также в Кракове 10 февраля 1906 г. Это была, после *Мещан*, *На дне*, *Дачников*, четвертая пьеса Горького, сыгранная на площади Св. Духа. Всего они заняли 21 вечер. Следующая, *Варвары*, в переводе Марии Загурской, была поставлена первый раз в Кракове 22 сентября 1906 г. (Michalik 1985: 63–74; Dramat 2001: 286–287; Radziwon 2019: 9–19).

Иначе обстояло дело в Царстве Польском, в котором произведения Горького, как и других русских писателей, играли главным образом приезжающие сюда и бойкотируемые поляками русские театры, или – реже – частные польские труппы. После поражения Январского восстания (1863–1864) абсолютная русификация охватила – как известно – образование и учреждения, а на т. наз. Отобранных землях (Виленский край и Гродненская губерния) также католическую церковь и театры. Поэтому такое необычное значение имели почести, воздаваемые Горькому в Варшаве во время кровавых дней революции 1905 года.

Варшава

Вчера [т.е. 24 ноября 1905 г.] в театре в Саксонском саду труппа русских артистов, под руководством госп. Черновской и Чернова, представила превосходное произведение Горького *Мещане*. Польские артисты, желая показать свою симпатию русским коллегам и оказать настоящее почтение Горькому, собрались в полном составе на это представление, на которое поспешила также многочисленная польская публика, слыша о планируемых оациях.

Сразу после первого акта *Мещан* все зрители встали с мест и ураганом аплодисментов благодарили за пьесу и отличную игру. Тем временем на сцене появившиеся депутаты варшавских сцен госп. Палиньский и Семашко, вручая замечательный венок с бело-красными лентами, удвоили воодушевление публики. На венце была видна надпись «Благородному сыну России Горькому – артисты польской сцены. Варшава, 24/11 1905 г.»

Аплодисменты долго не затихали.

Когда занавес, после того, как был поднят три раза, опустился, на сцене собрались польские артисты, и один из них обратился к русским коллегам. Мы снова слышали аплодисменты. От имени труппы речь произнес госп. Чернов. Аплодисменты повторялись после каждого акта.

После третьей картины при поднятом занавесе госп. Чернов, в окружении своих артистов, публично прочитал следующую телеграмму, какая была отправлена от имени русских актеров Горькому:

«Мы счастливы сообщить Вам, что в пятницу в варшавском театре на представлении Вашей пьесы *Мещане* побратались русские и польские артисты. Рухнул вековой барьер антагонизма. Русское и польское общества заполнили театр. Прием самый торжественный. Передаем привет борцу движения за свободу. Польские артисты просят прислать Вам венок. Да здравствует Горький!».

Зрители ответили долгими и протяжными аплодисментами.

Одновременно польские артисты отправили Горькому такую депешу:

«Польские артисты в Варшаве в день представления *Мещан* русскими артистами воздают почести писателю и выражают надежду, что на свободной польской сцене смогут в будущем играть на своем языке произведения одного из наиболее благороднейших сыновей России».

Необычное представление *Мещан* затянулось за полночь (Uzczczenie 1905).

Кроме газеты «Kurier Poranny», которая вышеуказанный отчет озаглавила *Чествование Горького*, об орденах в честь автора *Мещан* писала вся варшавская пресса, провинциальные газеты (напр., «Rozwój» в Лодзи) и, конечно, краковский «Czas». Так как действительно – процитируем еще раз «Курьер поранны» – в помещающем в себя 1700 мест Летнем театре в Саксонском саду «рухнул вековой барьер антагонизма». Также другие издания сильно подчеркивали этот факт:

Вчера, однако, был растоплен толстый лед, которым наше общество всегда покрывало русские театры у нас, висящие над польскими сценами до сих пор, как угроза, как первый слог приговора о гибели (Wuk 1905, Uzczczenie Gorkiego 1905).

Эта «угроза», о которой вспоминали «Słowo» и «Rozwój», была реальной. Царские власти уже с давних времен намеревались создать в Варшаве постоянный русский театр. Ведь такие театры – немецкоязычные, пользующиеся поддержкой оккупационных властей, работали в Познани, Львове и Кракове. О господстве Германии напоминает монументальное здание театра оперы в Познани, сегодня театра имени Станислава Монюшко, открытого в 1910 году. Немецкие труппы появились во Львове и Кракове уже после первого раздела Польши, затрудняя стабилизацию польским актерам и певцам. Лишь после того, как Галиция получила автономию в 1867 году, немецкий язык был отменен в учреждениях и обоих университетах. И также со сцены, благодаря чему были построены два прекрасных здания, служащих польской Мельпомене: в 1893 году на площади Св. Духа в Кракове (Театр им. Юлиуша Словацкого) и в 1900 году на Валах Гетманьских во Львове (в настоящее время местонахождение украинского национального театра оперы и балета им. Соломии Крушельницкой). В Варшаве, на площади Театральной, с 1833 года работали Правительственные театры, распоряджающиеся поочередно пятью сценами: Большим театром, Многообразия, Летним, Новым и Новинок (всего свыше 5500 мест), в которых были заняты около 2 тысяч человек, оплачиваемых полностью царским правительством. И именно в этих театрах – что может казаться непонятным парадоксом – не играли пьесы русских авторов до самого отступления русских из Варшавы в 1915 году! Это не означает, что в Варшаве – столице Привислинского края – не появлялись русские актеры, которым аплодировали многочисленные русские офицеры и чиновники. Поляки на эти выступления специально не ходили, опасаясь русификации варшавских сцен и остракизма соотечественников. Первый раз было

сделано исключение для труппы З.Я. Черновской и М.Я. Чернова, что в те жаркие дни не ускользнуло от внимания прессы:

С утра [24 ноября 1905 г.] в городе говорили о том, что варшавские драматические артисты готовят овации на этот день. А на афише висела известная пьеса Горького *Мещане*. В результате этих приготовлений то один, то другой из польской публики пошел к театральной кассе за билетом – первый раз в жизни.

Вечером показалось, что театр переполнен, что польских зрителей в нем много, что температура там жаркая, а настроение торжественное (Wuk 1905).

«Варшавские драматические артисты» были названы по фамилиям: Владыслав Палиньский и Антони Семашко. Особую заслугу имел Палиньский – актер второго плана, но смелый организатор и руководитель продолжающейся с 1 ноября 1905 года забастовки актеров, которые требовали на очередных митингах, в частности, отставки русской дирекции Правительственных театров, а прежде всего «национализации театра».

Национальный театр будет развиваться – убеждал Ян Лорентович – на основаниях полной административной и художественной самостоятельности. [...] прежде чем мы дождемся передачи театров властям автономной страны, польская дирекция будет организовывать польскую сцену согласно репертуару, продуманному целесообразно и с пиетизмом. [...] Дальнейшее состояние вещей зависит от общества и артистов. Мы уже знаем, что артисты превосходно поняли обязанности, какие на них наложил настоящий момент” (Lorentowicz 1905).

Именно во время одного из таких собраний, когда обсуждались условия завершения забастовки, Палиньский обратился к артистам, собравшимся 23 ноября 1905 года в Редуговых залах Большого театра:

за польский вопрос выступает вся Россия, все общество и русская пресса, защищая интересы польского народа, и ввиду этого бросает он проект, чтобы [назавтра, т.е. 24-го] вечером все артисты Варшавских Правительственных театров отправились, купив билеты, в Летний театр на пьесу Максима Горького *Мещане*, которую играет труппа З.Я.Черновской и М.Я.Чернова, а артистам русской труппы преподнести венок „от польских артистов варшавских театров” (Sprawy teatralne 1905).

Этот благородный жест польских артистов встретился с трогательной реакцией русских артистов, которые газете «Kurier Warszawski» прислали следующее письмо:

Уважаемый Редактор!

День 24-го ноября будет для нас всех на всю жизнь днем большого праздника! Благодаря Вам, братья-поляки! Благодарим Вас, дорогие товарищи-артисты польской сцены, за те счастливые моменты, которые мы пережили. Русское и польское общества слились в одно большое целое, слушая слова певца свободы. Не было недоразумения, не было неприязни! Были только братья. Растопился вечный лед! И совершил это лишь единственный до сих пор луч. Дай Бог, чтобы как можно быстрее взошло ясное солнце, солнце правды и справедливости, которое осветит и согреет нас всех без национальных и религиозных различий!

Мира, мира мы желаем.

Изволь принять и т.д.

Русские артисты З.Я. Черновская, М.Я. Чернов и их труппы.

P. S. Просим другие издания перепечатать вышесказанные слова (Listy do redakcji 1905)².

Это желание «мира» понимали буквально. Ведь проходящие через Варшаву демонстрации жестоко разгонялись казаками, армией и жандармерией. Больше всего жертв (70 убитых, свыше 170 раненых) осталось на брусчатке перед Большим театром 1 ноября 1905 года. Артисты Правительственных театров, при звуках театрального оркестра, поприветствовали тогда демонстрантов с балконов песнями: *Боже, который Польшу...*, *Марсельеза, Еще Польша не погибла...*, *Красное знамя* (См. Kalabiński, Tych 1969; Kuligowska 1990).

* * *

Вечер в Летнем театре, когда русская труппа сыграла *Мещан* перед польской публикой, пробудил надежды, до этого времени не высказанные, связанные «с именем великого и благородно мыслящего русского писателя»:

Хорошо, однако, было сказать и показать, что всеми силами наши артисты, вместе с объединившимся с ними всем обществом, защищались против русских представителей и русских пьес, в актах этой защиты не было никакого нежелания, никакого даже предубеждения к русской литературе и русским артистам. Протест касался лишь самого метода замены этой литературы и этих артистов в политические инструменты, и в инструменты плохой политики, для всех вредной и распалюющей ненависть.

Это неприятие плохого зерна и уважение к доброму зерну является, хоть артистами и на почве искусства совершенное, политическим актом и актом хорошей политики, так как это справедливый акт.

Наши артисты выражают надежду, что в скором времени смогут играть пьесы Горького на свободной польской сцене.

² Kiedy 26 listopada 1905 w katedrze św. Jana odbyło się uroczyste nabożeństwo w 50. rocznicę śmierci Adama Mickiewicza, wśród wiernych wypatrzone „szlachetnie myślących Rosjan” Когда 26 ноября 1905 года в соборе св. Яна состоялась торжественная служба в 50-летие смерти Адама Мицкевича, среди участников видели «благородных русских» („Biesiada Literacka” 1905 nr 47–48).

На свободной польской сцене...

Будет на этой сцене место и для Гоголя, и для Островского, и для Чехова, и для Горького. И наши зрители пойдут им аплодировать. А наша критика воздаст их талантам искренние почести (Wuk).

Эти мечты сбылись быстро, хотя без участия артистов Правительственных театров. В первые дни 1906 года на арендованной сцене Большого театра выступили актеры бывшего Народного театра, показывая *На дне* (3 января) и *Ревизора* (14 января). Народный театр был создан по инициативе императорского Общества опеки трезвости, которое для своих выступлений предназначило манеж жандармерии в Варшаве (на углу улиц Теплой и Гжибовской), вмещающего в себя 1300 мест. Инструкция для специальной Комиссии при генерал-губернаторе, разрабатывающей репертуар для народных театров Привислинского края, требовала:

Поставленные пьесы не могут иметь никаких политических или общественных тенденций, не могут подстрекать один класс против другого ни в национальном, ни в религиозном, ни в общественном значении. Не могут подрывать престиж представителей как государственной, так и религиозной власти (Цит. по: Wosiek 1975: 61).

Так как актеры Народного театра присоединились к забастовке актеров Правительственных театров, поэтому «из политических соображений» генерал-губернатор Григорий Скалон распустил Народный театр, «действия которого встречали всегда предубеждение народных масс, видящих в нем только один из инструментов русификации страны» (Wosiek 1975: 51-56). Поэтому не удивляет, что создав объединение, актеры в отставке представили несколько честолюбивых пьес, в том числе упомянутые две русские. Пресса доброжелательно приняла их исполнение. О *На дне* «Kurier Warszawski» написал:

Автор вводит нас в среду страшной нищеты, нравственной и физической, перед нашими глазами проходит целая галерея типов из ночлежного дома, из приюта для различных жизненных неудачников и опустившихся индивидуумов (Z teatru i muzyki, nr 4).

При повторении *На дне* 7 января 1906 года на представлении пополудни «партер и верх были полностью заполнены зрителями» (Z teatru i muzyki, nr 4), что само по себе уже было политической акцией в честь Горького.

Как долго сохранялась эта доброжелательность для Горького, а тем самым для русской театральной пьесы? Короткое время, исключительно короткое время, что оказалось уже в мае 1906 года, когда в Варшаву приехала труппа Московского художественного театра с Константином Станиславским. Это было длинное европейское турне, включающее в себя Берлин, Дрезден, Лейпциг, Прагу, Вену, Варшаву, Франкфурт, Ганновер, Висбаден, Карлсруте, Дюссельдорф и снова Берлин, куда приезжали – чаще всего тайно – польские артисты и критики (Арнольд Шифман,

Теофил Тшциньский, Владыслав Рабский, Конрад Раковский и Тадеуш Риттнер), чтобы увидеть известную уже московскую трупку. Однако в Варшаве МХАТ встретил полный бойкот. К примеру, на представлении *На дне* «публика, кроме критиков и артистов, была русской». Не иначе было на других спектаклях, что пробовал объяснить Ян Лорентович в знаменитом *Открытом письме госп. Станиславскому, русскому директору*, напечатанном 10 мая 1906 года в «Nowej Gazecie»:

Мы должны быть терпеливыми. Мы все, которые всю нашу общественную жизнь проводим здесь в упорной борьбе и надежде, должны верить, что в скором времени поприветствуем Ваши усилия иначе.

Это станет тогда, когда мы сами пригласим Вас в Варшаву в будущей Польше.

Также вторичный приезд МХАТа в Варшаву в 1912 году (с 16 до 27 мая) не изменил отношения к русским представлениям, хотя многие представители польской литературы и искусства воздавали Станиславскому почтение в частном порядке. Как правило, разговаривали по-французски, как по-французски говорил в Москве в 1928 году Леон Шиллер на тридцатилетнем юбилее Художественного театра (См. Schiller 1956: 142-177).

* * *

Что касается отношения к Горькому во время революции, то оно не было однозначным и лестным. В январе 1906 года «Czas» напечатал статью под названием *Духовное хулиганство*, в котором пришел к выводу, что выступления писателя «характеризуются почти всегда фанатичной ненавистью к любому прогрессу и культуре». И процитировал статью Николая Бердяева, размещенную в органе конституционно-демократической партии «Полярная звезда». Он полностью отрицал смысл революции:

Рассуждения М. Горького, – писал Бердяев, – очень слабы, политически невежественны и просто неумны, прежде всего неумны, но они имеют симптоматическое значение. Сам-то Горький интересен. В крупной все же индивидуальности Горького как бы олицетворяется все, что есть противокультурного в русской революции. Тут уже чувствуется не только праведное восстание против социальной несправедливости, но и несправедливая злоба против культуры, против всего благородного и вечно ценного, тут хамские чувства вплетаются в социальный бунт. Я не могу назвать статьи Горького иначе, как хулиганством в самом подлинном и глубоком значении этого слова. Это не толстовское отрицание культуры, столь для нее плодотворное, требующее переоценки ценностей, это — подымающаяся сила хамства, оскорбляющая вечную эстетику и вечную этику... (Duchowe).

Что касается «вечно действующей эстетики», то «знаменательный девятьсот пятый год» нанес смертельный удар по прежней русской пьесе. Вместо «изысканной,

изошренной поэтессы Зинаиды Гиппиус-Мережковской» и ее мужа драматурга Дмитрия Сергеевича Мережковского, – как доказывал Францишек Седлецкий, –

появился, ухмыляющийся через щетинистые усы добродушного моржа, плебейский и вульгарный скандалист, опасный босяк, которому чужд был вопрос углубления религиозной мысли – Максим Горький, а за ним, в такт негармоничных и совсем хамских ритмов его *Буревестника* ползет, напирает темная, отвратительная и как же сердечно, как же глубоко уже с первого момента ненавистная чернь: толпа призраков, вылупившихся из мрака холодных, покрытых плесенью подвалов, темных туберкулезных погребов, воняющих капустой переполненных изб рабочих – не Буревестник, а уже сама буря, катаклизм – самое ужасное из всего этого! (Siedlecki 1937).

Таким образом, в русском театре (и также в польском!) принципиально изменился репертуар, так сильно связанный – в переломные моменты – с общественной и политической ситуацией. Зыгмунт Тонецкий, спустя четверть века, констатировал на страницах «Литературных ведомостей»:

1905 год. Год потрясений и революции. Литература и театр впитывают в себя новый подход к действительности. Уже не Чехов отражает душу общества, а Горький, бард революции (Тонеcki 1932).

Перевод Гизела Грабинска

Литература:

- Bobrowski E., 1935, *Demonstracja na cześć Maksyma Gorkiego w Krakowie* (1905), „Niepodległość” t. XI
- Buszko J., 1953, *Oddziaływanie rewolucji 1905 r. na Galicję*, [w:] *Pierwsza Konferencja Metodologiczna Historyków Polskich*, T. II, Warszawa
- Demonstracja w teatrze*, 1905, „Naprzód” 15 II 1905.
- Demonstracja we Lwowie*, 1905, „Gazeta Lwowska” nr 27.
- Dramat obcy w Polsce 1765–1965. Premiery–druki–egzemplarze. A–K*. 2001, red. Michalik J., Kraków.
- Duchowe chuligaństwo*, 1906, „Czas” nr 12.
- Kalabiński S., Tych F., 1969, *Czwarte powstanie czy pierwsza rewolucja*, Warszawa.
- Kotarbiński J., 1929, *W służbie sztuki i poezji*, Warszawa 1929.
- Kronika Lwowska*, 1905, „Gazeta Narodowa” nr 28.
- Kronika*. 1905, *Z teatru*, „Czas” nr 36.
- Kronika*. *Demonstracja w teatrze*, 1905, „Czas” nr 37.
- Kronika*. *List żony Gorkiego*, 1905. „Czas” nr 36.
- Kuligowska A., 1990, *Strajk aktorów warszawskich w roku 1905*, [w:] *Warszawa teatralna*, red. Kuchtówna L., Warszawa.

- Listy do redakcji*, 1905, „Kurier Warszawski” nr 327.
- Lorentowicz Jan. (J.L.) 1905, *Wznowienie widowisk*, „Gazeta Polska” nr 306.
- Michalik J., 1985, *Dzieje teatru w Krakowie w latach 1893–1915. Teatr Miejski*, Kraków.
- Nalkowski W., 1951, *Proletariat i twórcy*, [w:] Idem, *Pisma społeczne*, red. Żółkiewski S., Warszawa.
- Pajączkowski F., 1961, *Teatr lwowski pod dyrekcją Tadeusza Pawlikowskiego 1900–1906*, Kraków.
- Radziwon M., 2019, *Kim są inteligenci?*, [w:] Gorki M., *Letnicy*. Warszawa.
- Schiller I., 1965, *Stanisławski a teatr polski*, Warszawa.
- Siedlecki F., 1937, *Dziewięćset piąty*, „Skamander” nr 1.
- Sielicki F., 1971, *Maksym Gorki w kręgu spraw polskich*, Warszawa.
- Sprawy teatralne*, 1905, „Gazeta Warszawska” nr 261.
- Tonecki Z., 1932, *Teatr Meyerholda*, „Wiadomości Literackie” nr 11.
- Uczczenie Gorkiego*, 1905, „Rozwój” 1905 nr 264.
- Uczczenie Gorkija*, 1905, „Kurier Poranny” nr 311.
- Wosiek M., 1975, *Historia teatrów ludowych. Polskie zespoły zawodowe 1898–1914*, Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk.
- Wuk., 1905, *Z dnia na dzień*, „Słowo” nr 302.
- Z Krakowa*, 1905, „Gazeta Narodowa” nr 28.
- Z teatru i muzyki*, 1906, „Kurier Warszawski” nr 4, 8.
- Горький М., 1945, *О родине*, Москва.

References:

- Bobrowski E., 1935, *Demonstracja na cześć Maksyma Gorkiego w Krakowie (1905)*, „Niepodległość” vol. XI.
- Buszko J., 1953, *Oddziaływanie rewolucji 1905 r. na Galicję*, [in:] *Pierwsza Konferencja Metodologiczna Historyków Polskich*, vol. II, Warszawa.
- Demonstracja w teatrze*, 1905, „Naprzód” 15 II 1905.
- Demonstracja we Lwowie*, 1905, „Gazeta Lwowska” no. 27.
- Dramat obcy w Polsce 1765–1965. Premiery–druki–egzemplarze. A–K*. 2001, red. Michalik J., Kraków.
- Duchowe chuliństwo*, 1906, „Czas” no. 12.
- Gor'kiy M., 1945, *O roдинe*, Moskva.
- Kalabiński S., Tych F., 1969, *Czwarte powstanie czy pierwsza rewolucja*, Warszawa.
- Kotarbiński J., 1929, *W służbie sztuki i poezji*, Warszawa 1929.
- Sielicki F., 1971, *Maksym Gorki w kręgu spraw polskich*, Warszawa.
- Kronika Lwowska*, 1905, „Gazeta Narodowa” no 28.
- Kronika*. 1905, *Z teatru*, „Czas” no. 36.
- Kronika. Demonstracja w teatrze*, 1905, „Czas” no. 37.
- Kronika. List żony Gorkiego*, 1905. „Czas” no. 36.
- Kuligowska A., 1990, *Strajk aktorów warszawskich w roku 1905*, [in:] *Warszawa teatralna*, Kuchtówna L. (ed.), Warszawa.
- Listy do redakcji*, 1905, „Kurier Warszawski” no. 327.

- Lorentowicz Jan, (J.L.) 1905, *Wznowienie widowisk*, „Gazeta Polska” no. 306.
- Michalik J., 1985, *Dzieje teatru w Krakowie w latach 1893–1915. Teatr Miejski*, Kraków.
- Nałkowski W., 1951, *Proletariat i twórcy*, [in:] Nałkowski, *Pisma społeczne*, Żółkiewski S. (ed.), Warszawa.
- Pajęczkowski F., 1961, *Teatr lwowski pod dyktando Tadeusza Pawlikowskiego 1900–1906*, Kraków.
- Radziwon M., 2019, *Kim są inteligenci?*, [in:] Gorki M., *Letnicy*, Warszawa.
- Schiller I., 1965, *Stanisławski a teatr polski*, Warszawa.
- Siedlecki F., 1937, *Dziewięćset piąty*, „Skamander” no. 1.
- Sprawy teatralne*, 1905, „Gazeta Warszawska” nr 261.
- Tonecki Z., 1932, *Teatr Meyerholda*, „Wiadomości Literackie” no. 11.
- Uczczenie Gorkiego*, 1905, „Rozwój” 1905 no. 264.
- Uczczenie Gorkija*, 1905, „Kurier Poranny” no. 311.
- Wosiek M., 1975, *Historia teatrów ludowych. Polskie zespoły zawodowe 1898–1914*, Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk.
- Wuk., 1905, *Z dnia na dzień*, „Słowo” no. 302.
- Z Krakowa*, 1905, „Gazeta Narodowa” no. 28.
- Z teatru i muzyki*, 1906, „Kurier Warszawski” no. 4, 8.